

Глава 22. Блаженное неведение

— Бабуля, я проголодался...

— Бабуля, я хочу белые кеды. У всех в классе такие есть, один я как неприкаянный...

— Бабуля, завтра опять на шторы сдавать...

— Бабуля, завтра за контрольные платить...

— Бабуля...

На любую просьбу Лян Циня у бабушки Дан всегда находился один ответ: «Хорошо, родной».

Для Лян Циня бабушка значила больше, чем оба родителя вместе взятые. Она была его небом, его опорой. С самого детства он поклялся себе, что когда вырастет, обязательно обеспечит ей достойную жизнь. И вот теперь, когда бабушку Дан перевели в отделение интенсивной терапии, небо над его головой рухнуло.

Больничные коридоры по ночам всегда пропитаны леденящей, зловещей атмосферой. Когда Су Цзинь с остальными примчались в больницу, врачи уже вынесли окончательный вердикт и выкатили каталку с бабушкой из реанимации.

Для Су Цзиня это стало тяжелым ударом. Он ввязался в яростный спор с врачом, а когда увидел Су Мо, вцепился в его плечи:

— Ты же видишь будущее! Ты ведь можешь что-то сделать, скажи?! Должен быть способ!

Он тряс Су Мо с такой силой, что Хань Дун, видя, как Су Мо становится не по себе, бесцеремонно оттолкнул Лян Циня:

— Лян, мать твою, остынь!

— Остыть? — Лян Цинь разразился безумным хохотом, его лицо исказилось от ярости. — Моя бабушка умирает, а ты мне предлагаешь остыть?!

— Мы что-нибудь придумаем, Лян, — Су Цзинь, нахмурившись, сжал его плечо. — Я еще раз поговорю с врачами. Всё будет хорошо.

— Брат... — Тянь Сяюй робко дернул его за край куртки.

Лян Цинь опустил на него ледяной взгляд и с силой толкнул ребенка на пол:

— Не смей называть меня братом, мелкий урод! Это всё ты, проклятый! Сначала родителей своих в могилу свел, теперь за мою бабушку взялся?!

Сяюй разрыдался, Су Мо поспешил поднять его. Хань Дун рявкнул:

— Ты совсем с катушек съехал? Ребенок-то здесь при чём!

Лян Цинь вздрогнул, ноги подогнулись. Он привалился к стене и медленно сполз на холодный пол.

— Это я виноват... Мне надо было вернуться раньше...

Тянь Сяюй, всхлипывая, осторожно придвинулся к нему:

— Братик, я не проклятый...

Он не был «злой звездой». Он просто хотел, чтобы у него был дом и близкий человек, и готов был ради этого терпеть любые лишения.

Лян Цинь внезапно сгреб его в охапку. Он прижал мальчишку к себе так крепко, что у того заболели ребра, но Сяюй лишь молча уткнулся ему в грудь.

— Сяо Мо, — Хань Дун кивнул Су Мо, увлекая его за собой.

Они вышли на лестничную клетку.

— Скажи, с его бабушкой совсем всё плохо? — вполголоса спросил Хань Дун.

Су Мо поджал губы и медленно кивнул. Перед глазами стояла картина: Лян Цинь на похоронах.

— Значит, умрет? — Хань Дун помрачнел.

Су Мо опустил глаза. Хань Дун всё понял:

— Тётя говорила, она упала, и никто вовремя не заметил... Если бы Лян послушал тебя и приехал раньше...

Он не договорил — Су Мо приложил ладонь к его губам и покачал головой.

Прошлого не воротить, лекарства от сожалений не существует. В некоторых вещах лучше пребывать в блаженном неведении, чем знать горькую правду.

— И то верно, — вздохнул Хань Дун. — Жалеть о содеянном — самое бесполезное занятие на свете.

Когда врачи наконец пустили родных в палату, все вошли внутрь. Бабушка Дан, еще находясь в сознании, крепко сжала руку Су Моли и прерывисто прошептала:

— Моли... Я, видать, зажилась... Присмотри за ними... за обоими.

Су Моли, утирая слезы, кивнула:

— Не беспокойся, сестрица, я их не брошу.

Лян Цинь не выпускал другую руку бабушки:

— Бабуля, ты поправишься, слышишь?

— Внучек... на книжке денег хватит... на учебу... Учись хорошенько, чтобы бабушка тобой гордилась...

— Нет, не надо... — Лян Цинь уткнулся лицом в её ладонь, его слезы обжигали её кожу.

Старушка слабо улыбнулась:

— Глупый... чего плачешь? Бабушка... на покой уходит. Отмучилась я.

— Бабушка Дан, я готов взять фамилию Лян! — рыдая, вставил Тянь Сяюй.

— Хороший мальчик... вы должны... — Бабушка дрожащей рукой потянулась к голове Сяюя, но она безвольно рухнула на одеяло. Дыхание оборвалось на полуслове.

Той осенью казалось, что жизнь уходит из этого мира вместе с опадающей листвой.

День похорон Дан Шухуа выдался ясным и погожим. В отличие от скромного прощания с родителями Тянь, они были торжественными. Хань Дун подогнал несколько роскошных машин, целая колонна провожала гроб до самого кладбища. Людей пришло на удивление много.

Вечером на Чаньюань обрушился шторм. Гром гремел так, будто небо раскалывалось по швам, вспышки молний следовали одна за другой. Этой ночи не суждено было стать спокойной. Лян Цинь пролежал под одеялом весь день — не ел, не пил, ни с кем не разговаривал. В конце концов он прогнал друзей.

— Брат, я боюсь грозы, — Тянь Сяюй с подушкой в руках заглянул в спальню.

Лян Цинь высунулся из-под одеяла и откинул край:

— Иди сюда.

— Братик, у тебя голос совсем пропал, — Сяюй нырнул под одеяло, пристроив свою подушку рядом.

— Сяюй, боюсь, дальше нам придется туго.

— Я не боюсь, у меня же есть ты.

Лян Цинь прижал его к себе:

— Верно. Обещаю, я вытащу нас. Ты ни в чём не будешь нуждаться.

— Тогда перестань плакать, ладно? Сяюй очень проголодался.

— Хорошо. Пойду сварю нам лапши.

— Я с тобой!

Лян Цинь приготовил две миски лапши с зеленью. Под шум ливня за окном они ели, ощущая, как приятное тепло разливается по телу. Сяюй, прихлебывая бульон, заметил на губе Лян Циня прилипший кусочек лапши и осторожно вытер его рукой.

Лян Цинь посмотрел на него. Сяюй широко улыбнулся и звонко чмокнул его в щеку. Лян Цинь так и застыл от неожиданности.

— Братик, это тебе силы. Ты должен взбодриться, тебе же еще Сяюй кормить!

Лян Цинь долго смотрел на него, потом слабо улыбнулся и вдруг снова всхлипнул, отчаянно кивая:

— Да... Всё у нас будет хорошо.

Хань Дун проснулся от жажды. Поднявшись, он заметил, что во второй спальне горит лампа. Тот подошел ближе и сквозь приоткрытую дверь увидел, как Су Мо переодевается.

Хань Дун чуть ли не силой притащил его к себе ночевать. Услышав тихие шаги, Су Мо обернулся и, встретившись взглядом с Хань Дуном, густо покраснел, поспешно прикрываясь одеялом.

— Чего не спишь? — Хань Дун вошел в комнату.

Су Мо покачал головой, натягивая белье под защитой одеяла.

— Не спится? — Хань Дун присел на край кровати, не сводя глаз с юноши. — Сяо Мо...

Су Мо вопросительно посмотрел на него, но тот замолчал, продолжая пристально его разглядывать. Су Мо стало совсем неловко.

— Да нет, ничего, — Хань Дун усмехнулся. — Я просто воды попить встал. Спи давай.

Слушая шум дождя, Хань Дун ворочался с боку на бок. Сон не шёл.

Раздался тихий скрип двери. Су Мо вошел в его комнату.

— Что такое? — приподнялся Хань Дун.

Су Мо забрался на кровать, включил настольную лампу и протянул Хань Дуну блокнот. Тот прислонился к изголовью и прочел:

«Почему ты не хочешь нормально учиться?»

— Да не тянет меня, и всё. С чего вдруг такие вопросы?

«Я хочу, чтобы ты поступил в университет. Я вот не могу учиться, хотя очень хочу. Я до смерти завидую тем, у кого есть такая возможность».

Глядя на хмурого Су Мо, Хань Дун почувствовал, как в сердце кольнуло.

— Нечего тут завидовать. Завтра же найду людей, устроим тебя в школу.

Су Мо не обрадовался. Он быстро написал:

«Не надо. Пусть школа останется моей мечтой. Я не хочу, чтобы надо мной издевались. Но ты... Зачем ты разбрасываешься своим будущим?»

— Попомни моё слово, Сяо Мо, ты еще засияешь, — Хань Дун достал сигарету и щелкнул зажигалкой. — А я... я никогда не думал о будущем. Есть вещи, которые ты не поймешь. Я по жизни пропащий человек.

«Я пойму».

Хань Дун покосился на него:

— Маленькая красавица, иногда лучше не знать слишком много. Жить станет невыносимо.

Он сделал несколько глубоких затяжек, выпуская дым, который окутал его лицо серой дымкой. Су Мо вдруг показалось, что в такие моменты Хань Дун становится совершенно неуловимым. Возможно, он совсем не знал этого парня.

Его беспечность, его властность, безумие и легкомыслие — что за всем этим скрывалось? Наверное, только самые близкие могли понять его истинную суть.

«Хань Дун, я хочу узнать тебя настоящего».

Хань Дун глянул в блокнот, затем на Су Мо и нагло улыбнулся:

— Малыш, счастье в неведении, усвоил?

Су Мо кивнул и добавил: «Так ты будешь учиться?»

— Ну... я постараюсь.

«Я верю: если ты возьмешься за ум, у тебя всё получится».

Хань Дун вдруг усмехнулся:

— А если я и правда поступлю и уеду в другой город? Будешь скучать?

Су Мо надолго задумался.

«Сможешь приезжать ко мне».

— Ладно, — Хань Дун затаился. — Попробую.

Он протянул руку:

— На, коснись. Посмотри, ждет ли меня в ближайшее время что-нибудь хорошее... или плохое.

«Я вижу только на пять часов вперед. Хорошие события иногда чуть дальше».

Су Мо коснулся его руки и помрачнел.

«Рукоблудие»... это теперь считается «хорошим событием»?

— Что там? — оживился Хань Дун.

«Ничего», — Су Мо отложил блокнот и собрался уходить.

— Э, куда? Спи со мной, — Хань Дун цепко схватил его за руку.

Су Мо бросил на него косой взгляд и написал: «Я к себе».

Еще чего, смотреть, как он «развлекается»?

— Стой, я серьезно хотел спросить, — Хань Дун внезапно посерьезнел. — Мне тут один и тот же сон снится. Пустая дорога, ни начала, ни конца, жуткая такая... Точно ничего плохого не случится?

Су Мо нахмурился и снова сел: «Мне тоже часто снится этот сон. Не знаю, что он значит, но кажется, эта дорога когда-нибудь появится в реальности. Где именно — не представляю».

— Может, это какой-то кошмар из будущего?

«Всё может быть. То, чему суждено случиться, не миновать. Я уже привык к этому сну».

— Жуть какую-то несешь. Оставайся здесь, мне страшно, — Хань Дун не выпускал его руку.

В то, что Хань Дуну может быть страшно, Су Мо не поверил бы ни на грош. Вспомнив о том, чем тот собирался заняться, он твердо вознамерился уйти.

«Нет».

— Почему?

«Потому что ты озабоченный!»

— С чего это?! — Хань Дун вытаращил глаза.

«Ты ведь собрался передернуть», — Су Мо покраснел до корней волос.

Хань Дун замер с открытым ртом. Он молчал секунд десять, прежде чем выдать:

— Я об этом даже подумать не успел, а ты уже увидел? Су Мо, ты страшный человек. Всё, проваливай. Вали к себе в комнату!

Он отшвырнул окурок и залез под одеяло. Су Мо, видя, как тот злится, внезапно передумал и юркнул в постель: «А вот и не уйду!»

— Тогда держись от меня подальше, — буркнул Хань Дун с самым серьезным видом.

Су Мо натянул одеяло до подбородка и выключил свет. Хань Дун, лежа к нему спиной, невольно улыбнулся. Слушать чужое дыхание рядом было на удивление приятно...

Погодите. Почему ему вдруг ТАК захотелось передернуть?

— Слышь, Су Мо... А ведь и правда, чертяка, в точку попал. Реально захотелось.

Су Мо вжался в подушку, превратившись в кокон и не обращая внимания на этого сексуального маньяка.

— Не притворяйся, я знаю, что ты не спишь, — Хань Дун вдруг подкатился ближе. Су Мо вздрогнул. — Слушай, Су Мо, а ты сам-то хоть раз пробовал?

Су Мо никогда в жизни не слышал ничего подобного. Чистый и душой, и телом, он почувствовал, как краснеют уши.

— Давай я тебе помогу, а ты мне?

Эти слова прозвучали прямо над ухом. Су Мо от ужаса и смущения так приложил Хань Дуна ногой, что тот, не ожидая такого отпора, кубарем полетел с кровати. Вся похоть вмиг

испарилась, сменившись резкой болью в пояснице.

— Да твою же мать! Ты нормальный вообще?!

Су Мо и сам не ожидал от себя такой прыти, но, глядя на разъяренного Хань Дуна, не выдержал и беззвучно рассмеялся.

— Дурак набитый, — проворчал Хань Дун, потирая ушибленный бок.

<http://bllate.org/book/17506/1658682>